

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
И
РУССКИЙ ИЕРУСАЛИМ:
к 150-летию основания

Сборник статей

**Великий князь Константин
Николаевич и Русский Иерусалим:
к 150-летию основания**

«Индрик»

2012

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(2)

Сборник статей

Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания / Сборник статей — «Индрик», 2012

ISBN 978-5-91674-184-1

Настоящая книга подготовлена по материалам научной конференции «Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания». Конференция прошла 27 января 2011 года в Москве в Государственном Архиве Российской Федерации в рамках проведения одноименной выставки. Исследования посвящены истории раннего периода устройства Русской Палестины на Святой Земле, проблемам, связанным с изучением этого явления в российской историографии и роли великого князя Константина Николаевича как инициатора «Иерусалимского проекта» России на Востоке после Крымской войны. В оформлении обложки использован рисунок Ф.И. Эппингера Проект фасада церкви св. Троицы в Иерусалиме из Архива Внешней политики Российской империи (Москва).

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91674-184-1

© Сборник статей, 2012

© Индрик, 2012

Содержание

К.А. Вах	7
В.Е. Воронин	12
К.А. Вах	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Коллектив авторов
Великий князь Константин Николаевич и
Русский Иерусалим: к 150-летию основания

© Авторы статей, текст, 2012

© Издательство «Индрик», макет, оформление, 2012

К.А. Вах

Об изучении первого периода создания Русской Палестины. 1856-1864

«Иерусалимский проект», реализованный Россией на Ближнем Востоке в 1856–1864 гг. по инициативе великого князя Константина Николаевича до настоящего времени не стал предметом специального исторического исследования. В научной литературе о связанных с ним процессах говорилось в самых общих чертах, причем роль великого князя затрагивалась лишь эпизодически¹, а деятельность главного идеолога проекта Б.П. Мансурова в итоге оценивалась с отрицательной стороны². При этом и научные выводы о личном вкладе этих деятелей в начальный период устроения Русской Палестины, и даже констатация исторических фактов исследователями часто выглядят противоречиво³. Прежде всего, необходимо дать краткую

¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907 / Вступ. ст. и послесл. Н.Н. Лисового. М., 2008. С. 100; Он же. Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. – М.-СПб., 2010. С. 22; Воронин В.В. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича (до начала 60-х гг. XIX в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996. С. 144–146; Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т.1. М., 2000. С. 21, 23; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 109–112.

² Общий негативный тон в оценке личности и деятельности Б.П. Мансурова был задан еще первыми деятелями ИППО В.Н. Хитрово и А.А. Дмитриевским. В настоящее время попытка немного смягчить критерии оценки сделана Н.Н. Лисовым, который рассматривает Мансурова как трагическую фигуру в истории становления Русской Палестины. См: Лисовой Н.Н. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М.-СПб., 2010. С. 11–12. Полноценно судить о действительном значении Б.П. Мансурова для судеб Русской Палестины и его вкладе в утверждение российского влияния в Святой Земле можно будет только после создания полной научной биографии Бориса Павловича, появления монографии о деятельности Палестинского Комитета и Палестинской комиссии, а также научного переиздания с комментарием и аппаратом изданных ранее книг Б.П. Мансурова о Святой Земле.

³ Впервые к исследованию деятельности Палестинского комитета обратился А.А. Дмитриевский. В настоящее время его выводы, касающиеся рассматриваемых нами вопросов, требуют критической перепроверки. Кроме встречающейся иногда явно тенденциозной группировки материала, произвольных подстановок фрагментов одного и того же документа (особенно, когда речь идет о цитируемых им письмах), в работах исследователя нередко встречаются фактические ошибки, иногда сомнительные курьезы, каковой является фраза о том, что рождение у Константина Николаевича и его супруги второго сына Константина было «плодом их горячей молитвы на святых местах». См: Дмитриевский А.А. Памяти в Бозе почившей первой августейшей паломницы в Св. Землю Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины С. 45. Классическим примером постановки проблемы с ног на голову служит работа архимандрита Никодима (Ротова), в которой причины создания РОПиТ и консульства в Иерусалиме объясняются нежеланием официального Петербурга «примириться с тем, что Русская Церковь в лице умного и независимого архиерея представлена в Иерусалиме, что где-то Церковь вышла из общей системы подчинения светской власти», представлять которую (т. е. российскую власть) в Палестине, по мысли автора, намеревался «откуда-то самозародившийся и никому уже не подчиненный Палестинский Комитет» (Никодим (Ротов), архимандрит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959. С. 171–172). В том, что старые штампы живут очень долго, можно убедиться, читая работы даже такого крупного современного исследователя Русской Палестины, как Н.Н. Лисовой, написавшего, что «по окончании войны, вопреки ее тяжелым для России результатам, русской дипломатии удастся осуществить прорыв именно на иерусалимском направлении – используя <...> легко поддающуюся активизации стихию русского православного паломничества». См: Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. С. 373. Важно, что как раз от стихии русского паломничества, т. е. от проблем и нужд русских паломников в Палестине, российская дипломатия времен А.М. Горчакова всемерно старалась отстраниться. Хронология российской деятельности в Палестине после Крымской войны в период с 1856 по 1864 г. также требует уточнений. Так И.Ю. Смирнова, опираясь на труды Н.Н. Лисового, использует следующую последовательность: начало всего – 23 марта 1857 г., т. е. дата утверждения императором всеподданнейшего доклада А.М. Горчакова о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Причем, этот доклад, по утверждению исследовательницы, «вызвал всеобщий – и в первую очередь в высочайших кругах – интерес к русскому присутствию в Палестине»; осень 1857 г. – назначение начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме; возникновение идеи создания Благотворительного Комитета под покровительством императрицы Марии Александровны и, наконец, перехват этой «женской» инициативы «более

характеристику используемому нами понятию⁴ и обозначить хронологические границы этого исторического явления. «Иерусалимский проект» был разработан при Морском министерстве и инициирован лично великим князем Константином Николаевичем как часть другого проекта по созданию на Черном море Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ). Несмотря на то, что большая часть деятельности РОПиТ должна была проходить за пределами страны, МИД России, в силу особенностей исторического момента, изначально не был привлечен к разработке и реализации проекта и представители дипломатического ведомства вынуждены были встраиваться в его структуру уже после того, как он был запущен. Главной задачей проекта РОПиТ, по мысли его учредителей, было восстановление российского влияния в Османской империи на новых принципах, неуязвимых с точки зрения настороженно-недоброжелательного по отношению к России тренда в европейской дипломатии тех лет. Восстановление «религиозного, а следовательно и политического влияния» ставилось разработчиками в зависимость от создания в России «новых и особых денежных источников, которые могли бы быть обращены на улучшение <...> всей обстановки, определяющей там наше значение пред свидетелями нашей деятельности»⁵. Основной идеей проекта была мысль о возможности для России при решении политических и церковно-дипломатических задач на Ближнем Востоке использовать новый инструмент: активную коммерческую деятельность частных российских компаний. В основание проекта РОПиТ было положено существование а priori общности стратегических интересов частного капитала и государства. Эта общность интересов должна была стать особенно явной в случае широкой экспансии российского бизнеса на Православном Востоке. Концепция проекта предполагала обращение усилий всех его участников исключительно на российские национальные интересы в Османской империи, «т. е. на практическое и вещественное выражение оных вне отечества» как «единственное доступное для нас средство утвердить наше влияние после произошедшего переворота в положении восточных дел»⁶. К собственным интересам России в регионе относилось: «возвышение нравственного и общественного достоинства наших агентов на Востоке, размножение числа оных, сравнение их средств, со средствами тех, против кого им приходится действовать, не жаление денег там, где тысячами можно приобрести или сохранить сотни тысяч, возможное обеспечение жизни и положения наших соотечественников, живущих и путешествующих на Востоке, принятие под русское покровительство всех, кто того желает, радикальное уничтожение ненужных и вредных формальностей, наконец основание на Востоке русских заведений для русских и собственно для достоинства Русской Церкви и Русского имени, не зависимо от всяких пропагандных попыток и думая пока только о себе, а не о других. <...> Нам надобно быть более эгоистами, не расточать уверений в наших симпатиях, любить только себя и показывать, что мы о других мало заботимся, зорко наблюдать за всем, никогда не упускать случая пользоваться чужими ошибками, отбросить всякий сентиментализм и мысли о любви к нам и любви к другим, и никогда не доволь-

решительной и деловой партией великого князя Константина Николаевича». См: Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского Патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 101–102. Такая разнонаправленность взглядов, оценок и утверждений в отношении первого периода создания Русской Палестины происходит прежде всего из-за отсутствия новых фундаментальных исследований, основанных на критическом прочтении уже известных архивных документов, на изучении всего исторического контекста, в котором они были созданы, при обязательном привлечении нового архивного материала.

⁴ Идея структурировать в общих чертах историю российского присутствия в Святой Земле в соответствии с «проектами» отдельных государственных деятелей России принадлежит Н.Н. Лисовому. В его классификации есть пять крупных проектов, обладающих характерными отличительными особенностями, которые в процессе реализации, формировали модель духовного, политического и культурного представительства России в Палестине: проект К.В. Нессельроде, проект Б.П. Мансурова, проект архимандрита Антонина (Капустина), проект В.Н. Хитрово и проект И.В. Сталина. См: Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т.1. М., 2000. С. 17–36.

⁵ [Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857.] С. 200.

⁶ Там же. С. 201–202.

ствоваться тем, что успеем приобрести, а идти всегда далее»⁷. Так из проекта «РОПит» выделился самостоятельный проект создания российской инфраструктуры на Ближнем Востоке, и в первую очередь в Палестине. Таким был и политический манифест авторов и руководителей проекта в целом⁸.

В деловой переписке тех лет проект создания российской инфраструктуры в Святой Земле называли по разному: то Иерусалимским проектом, то Иерусалимским делом. Палестинский комитет в первое время своего существования также официально назвался Иерусалимским комитетом. Это подчеркивало центральное место Иерусалима на выстроенной умозрительной схеме-карте размещения новых российских учреждений на Ближнем Востоке после Крымской войны. Поэтому и мы сочли возможным ввести в научный оборот термин «Иерусалимский проект» великого князя Константина Николаевича, тем самым связав его с именем человека, который вызвал его к жизни и обеспечил ему необходимую государственную поддержку в первый период его существования. При реализации «Иерусалимского проекта» его создателями был предложен принцип, сочетавший частную коммерческую деятельность РОПит с гуманитарной и благотворительной задачей попечения о русских паломниках на Ближнем Востоке. В свою очередь это давало возможность беспрепятственно создавать в странах библейского региона собственный плацдарм проникновения⁹, т. е. полномасштабную российскую инфраструктуру по примеру того, что уже делалось на Востоке странами Запада. В итоге, в Святой Земле появился по образному выражению Н.Н. Лисовой, «один, может быть, из самых долгосрочных национальных проектов в истории России»¹⁰ известный в современной науке как Русская Палестина.

«Иерусалимский проект» великого князя Константина Николаевича просуществовал с ноября 1856 по 1864 г.: с момента откомандирования Морским министерством на Восток Б.П. Мансурова и до того момента, когда строительство на русском участке близ Яффских ворот Иерусалима официально завершилось.

В очерке А.А. Дмитриевского о державных защитниках и августейших паломниках Святой Земли основание русских подворий в Иерусалиме приписано инициативе императора Александра II, назначившего своего брата Константина исполнителем высочайших предначертаний¹¹. Очевидно, что такая «верноподданническая» трактовка исторического материала есть общепринятый риторический прием российских исследователей, работавших в императорской России. Кроме того, чтобы преодолеть сопротивление руководства МИДа и возникшие повсеместно бюрократические проволочки при реализации «Иерусалимского проекта», сам Константин Николаевич и его сотрудники не раз в документах ссылались на волю и прямое желание государя императора. Высочайшая воля служила и способом защиты и средством давления: смотря по обстоятельствам. Важно то, что исследователь не пишет ничего более этого. О посещении великим князем Константином Николаевичем Иерусалима в 1859 г. Дмитриевский сообщает лишь в связи с кончиной его супруги, великой княгини Александры Иосифовны. В

⁷ Там же. С. 202.

⁸ Проект действий на Востоке, одобренный императором в качестве концепции, был сформулирован Б.П. Мансуровым и состоял из 19 пунктов. Там же. С. 119–199.

⁹ См: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 109.

¹⁰ Лисовой Н.Н. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского. С. 5.

¹¹ Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. – М.-СПб., 2010. С. 22–23. Сравни: «В 1858 г., как известно, Государю Императору Александру II благоугодно было, в своих неустанных заботах об улучшении быта русских паломников в Св. Земле, образовать особый, Высочайше утвержденный Палестинский Комитет и во главе его поставить своего старшего брата Его Императорское Высочество великого князя Константина Николаевича. Благодаря этому обстоятельству, ему представилась счастливая возможность побывать в Св. Земле, ознакомиться на месте с бытом наших паломников в Иерусалиме и сделать выбор необходимого места для русских паломнических подворий...». Памяти в Бозе почившей первой августейшей паломницы в Св. Землю Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны // Там же. С. 41.

посвященном «первой августейшей паломнице в Святую Землю» очерке, историк упоминает о задачах великого князя в Палестине, занятого «исполнением высочайшего повеления касательно осмотра и приобретения удобных участков земли в Иерусалиме для устройства русских паломнических богоугодных заведений»¹².

Деятельность великого князя Константина Николаевича в исторических работах конца XIX – начала XX в. вообще была представлена мало. Его имя оказалось фактически вычеркнутым из официальной истории России в период царствования Александра III, в связи с резкой неприязнью, которую испытывал к своему дяде этот самодержец. Основанием для нее был и хорошо известный либерализм в убеждениях Константина Николаевича¹³, и обстоятельства его семейной жизни, на что особенно болезненно реагировали все дети императора Александра II. После воцарения Николая II ситуация немного изменилась. Константину Николаевичу стали отдавать должное как в трудах, посвященных истории российского флота, так и при изучении Великих реформ 60-х гг. При этом, его имя все равно осталось отрезано от истории русского присутствия в Святой Земле. Почему? Ответ может оказаться на поверхности, если мы вспомним, что практически единственным заказчиком и потенциальным арбитром подобных исторических исследований, как правило, выступало Императорское Православное Палестинское Общество. Создание Палестинского Общества, по сути, представляло собой возобновление независимой от МИДа общественной гуманитарной российской деятельности в Палестине. В этом смысле новое Палестинское Общество (с известными оговорками) было прямой аналогией прежнего «Иерусалимского проекта» великого князя Константина Николаевича¹⁴. Но в самом ИППО считали тактически не верным признавать такое родство¹⁵. Кроме этого официальным и признанным преемником Палестинского Комитета была Палестинская комиссия МИДа, с которой ИППО вынуждена была не один год вести бюрократическую войну за приобретение контроля над Русскими Постройками в Иерусалиме. В интересах Палестинского Общества было делать достоянием гласности тот негатив, который проявлялся в деле попечения о русских поклонниках в Палестине со стороны Палестинской комиссии МИДа. В свою очередь, управляющим комиссией был Б.П. Мансуров, в прошлом ближайший сотрудник Константина Николаевича, которому великий князь продолжал оказывать поддержку. И поскольку для ИППО принципиально важно было показать резкое отличие результатов своей деятельности от всего того, что было создано в Святой Земле без участия Общества, – исторический

¹² Там же. С 43.

¹³ Уже после своей отставки в письме к А.В. Головнину Константин Николаевич сформулировал свое отношение к новому царствованию следующими словами: «невозможно более править Россией ни армией солдат, ни армией чиновников». См. Воронин В.Е. Политические взгляды и замыслы великого князя Константина Николаевича в середине 1860-х годов // Отечественная история, № 5, 2007. С. 69. Александр III думал по-другому.

¹⁴ В своей деятельности на Востоке ИППО использовало инструменты, которые были предложены Б.П. Мансуровым в 1857 г. Подобно Мансурову главным двигателем и идеологом Палестинского общества был бескорыстный энтузиаст В.Н. Хитрово. Подобно Константину Николаевичу ИППО также возглавил брат императора великий князь Сергей Александрович. Как ранее Палестинский Комитет, так позднее и Палестинское Общество столкнулось с противодействием МИДа и представителей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Основатель ИППО В.Н. Хитрово, как и основатель Иерусалимского проекта Б.П. Мансуров, вышел из Морского министерства, которым руководил генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Наличие многочисленных параллелей в судьбе и в палестинской деятельности между Хитрово и Мансуровым давно нуждается в составлении их сравнительного жизнеописания, что в свою очередь позволило бы другими глазами взглянуть на те противоречия, которые неотступно сопровождали деятельность всех российских организаций и учреждений в Святой Земле. Вместе с тем, утверждение, что предтечей ИППО был «Благотворительный комитет» императрицы Марии Александровны, «предвосхитивший идею Палестинского Общества», трудно доказуемо, в первую очередь из-за несопоставимых по качеству проработки задач и средств для их исполнения. См: Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами (вторая треть XIX в.). На правах рукописи. Автореферат дисс. М. 2009. С. 27.

¹⁵ См. характерное письмо А.А. Дмитриевского вице-председателю ИППО Н.М. Аничкову, в котором исследователь пытается отстоять право писать историю ИППО в контексте истории Палестинского комитета и Палестинской Комиссии, называя их корневыми учреждениями для Палестинского Общества: Лисовой Н.Н. А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. М.-СПб., 2008. С. 33

заказ был критическим. Имя великого князя при этом не упоминалось в соответствии с нормами этикета: представителей правящей династии не принято было порицать публично. Но можно было просто о них молчать.

Как ни странно, но эта тенденция с трудом преодолевается лишь в наши дни. Личность великого князя в общих чертах получила освещение в ряде специальных изданий¹⁶. Фигура же Б.П. Мансурова по-прежнему остается в тени и исследование его роли в создании Русской Палестины все еще находится в зависимости от тех выводов, которые были сделаны А.А. Дмитриевским в начале XX в.

¹⁶ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; Великий князь Константин Николаевич Романов. Эксклюзивный памятный фотоальбом / Автор-составитель В.И. Моцардо. Самара, 2004; Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009.

В.Е. Воронин

Роль Великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии в Палестине: по архивным документам

В 50-70-е гг. XIX в. великий князь Константин Николаевич – брат императора Александра II и генерал-адмирал русского флота, занимая высшие государственные посты, тем не менее, играл огромную роль в палестинских делах, в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии. Здесь ближайшими помощниками генерал-адмирала являлись Б.П. Мансуров и князь Д.А. Оболенский, состоявшие на службе в морском ведомстве.

Характер участия великого князя Константина Николаевича в палестинских делах раскрывает, в частности, коллекция документов Палестинского комитета и Азиатского департамента Министерства иностранных дел о деятельности Палестинского Общества в Сирии и Палестине, хранящаяся в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки¹⁷.

В 1856 г. Б.П. Мансуров был командирован великим князем в Палестину по делам Русского Общества Пароходства и Торговли. Одной из задач Общества, учрежденного на Черном море сразу по окончании Крымской войны, была перевозка русских паломников в Святую Землю. В 1857 г. Мансуров, вернувшись из Иерусалима, доложил генерал-адмиралу о трудностях в устройстве быта паломников. Константин Николаевич, зная тяжелое положение государственных финансов, смело предложил использовать в данном деле частную благотворительность. В православных храмах России был начат «кружечный сбор» пожертвований, велась «подписка» средств в помощь паломникам. На вырученные средства, которые поступали в ведение руководимого князем Д.А. Оболенским Комиссариатского департамента Морского министерства, предполагалось строить приюты и больницы, нанимать на работу врачей и сестер милосердия. Все эти меры были одобрены государем по докладу генерал-адмирала 27 февраля 1858 г. Веским доводом в пользу данных мероприятий послужила выдача Комиссариатским департаментом 1,5 млн. рублей общественных пожертвований морским чинам, потерявшим имущество в Севастополе во время войны. В сентябре 1858 г. Мансуров вновь прибыл в Иерусалим и вместе с русским консулом (одновременно – агентом Русского Общества Пароходства и Торговли) В.И. Дорогобужинным приступил к покупке земель для русских приютов и к устройству «странноприимных заведений» в Яффе, Назарете, Рамалле и Иерусалиме. Средства на эти нужды поступали из Комиссариатского департамента. 12 февраля 1859 г. Мансуров представил государю «всепопданнейшую записку» о мерах по улучшению быта русских паломников в Палестине. Александр II утвердил предположения Мансурова. Во-первых, на постройку «богоугодных заведений» в Палестине было ассигновано 500 тыс. рублей серебром. Во-вторых, для рассмотрения дел, связанных с положением православных русских духовных учреждений и православных паломников на Востоке, учреждался «особый Комитет». Его полное название – Комитет для принятия мер к устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников, сокращенное – Палестинский комитет. Председателем Комитета, с 22 июня 1859 г., являлся великий князь Константин Николаевич. Членами Комитета были назначены: обер-прокурор Синода граф А.П. Толстой, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал-майор Е.П. Ковалевский, член Совета министра финансов Г.П. Небольсин, директор Комиссариатского департамента Морского министерства

¹⁷ См.: Документы Палестинского комитета и Азиатского департамента о деятельности Палестинского Общества в Сирии и Палестине, собранные А.А. Дмитриевским // ОР РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А.А.). Д. 40.

князь Д.А. Оболенский, директор-распорядитель Русского Общества Пароходства и Торговли Н.А. Новосельский. Членом и управляющим делами Комитета (с января 1860 по май 1864 г.) был Б.П. Мансуров¹⁸.

Именно в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XIX в. была проведена основная часть работ по строительству православных русских храмов и гостиниц для русских паломников («поклонников») в Палестине.

На заседании 15 апреля 1860 г. Палестинский комитет решил адресовать «духовному ведомству» свой запрос:

«1) в каком количестве церквей Империи заведены и выставлены особые кружки для сборов на улучшение быта Православных поклонников в Палестине, – 2) имеются ли подобные кружки в тех храмах, которые принадлежат не епархиальным, а особым ведомствам Главных священников Гвардии, Армии и Флота или разных отдельных управлений»¹⁹.

30 августа 1860 г. в Иерусалиме, по распоряжению великого князя Константина Николаевича, состоялось освящение русского храма в честь святого князя Александра Невского. В ноябре 1860 г., через месяц после кончины матери – вдовствующей императрицы Александры Федоровны, Александр II утвердил доклад брата, Константина, о строительстве церкви во имя святой царицы Александры²⁰.

В начале 1860-х гг. близ Иерусалима были построен комплекс русских храмов и зданий для размещения паломников. Его Блаженство Патриарх Иерусалимский Кирилл II в ноябре 1863 г. изъявил готовность «лично освятить» их, на что Константин Николаевич сообщил согласие русской стороны, ибо «такое благосклонное заявление Его Блаженства вполне соответствует сердечному желанию создателей русских церквей и зданий»²¹.

Морское ведомство щедро делилось с консульством и Русской Духовной Миссией в Иерусалиме всем необходимым. На заседании Палестинского комитета 12 июля 1859 г., журнал которого был высочайше утвержден, получила поддержку идея Константина Николаевича передать «Иерусалимским заведениям» часть запасов упраздненных черноморских госпиталей. В апреле 1860 г. управляющий Морским министерством Н.Ф. Метлин представил ведомость с перечнем предметов, передаваемых «в Иерусалимские заведения»²².

При переводах денежных средств Палестинского комитета на строительство церквей и зданий Иерусалима не обходилось без потерь. В апреле 1860 г. Палестинский комитет обсуждал утрату около 8,5 % суммы, которая переводилась в Иерусалим при посредничестве Русского Общества Пароходства и Торговли и Одесского банкирского дома «Рафалович и К^о». Было одобрено предложение Константина Николаевича поручить членам Комитета Небольсину, Оболенскому и Новосельскому рассмотреть способы избежать «больших издержек» и спросить у министра финансов разрешение на получение Комитетом из Государственного казначейства золота «по нарицательной цене на потребные ежегодные расходы»²³. От имени Министерства финансов Небольсин дал положительный ответ на просьбу Палестинского комитета, предложив способы беспроцентного перечисления средств русским учреждениям в Иерусалиме²⁴.

Известны и крупные личные пожертвования Константина Николаевича, вложенные в строительство и обустройство русских храмов в Палестине.

Глава Русской Духовной Миссии епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов) посоветовал царскому брату, желавшему ознаменовать рождение сына – великого князя Константина

¹⁸ Там же. Л. 45–48, 82–83.

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Л. 51, 54.

²¹ Там же. Л. 38об.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 56.

²⁴ Там же. Л. 59–60.

Константиновича (в 1858 г.) благотворительными делами в Святой земле, «прислать несколько лампад для пещеры Рождества Христова в Вифлееме по просьбе Игумена». Константин Николаевич, у которого личное взаимопонимание с епископом Кириллом не сложилось еще во время пребывания в Палестине весной 1859 г., счел такое пожертвование недостаточным и высказал намерение «в память радостного события», пожертвовать свои средства на восстановление древнего православного храма Преображения Господня на горе Фаворской. В сентябре 1859 г. епископ Кирилл одобрил это начинание, назвав строительство церкви и обители на горе Фаворской «лучшим употреблением» пожертвования великого князя²⁵. Кроме собственных средств, Константин Николаевич выделил на строительство Фаворской церкви 3 тыс. рублей из средств Палестинского комитета. Но использование этих денег «по назначению» оказалось невозможным – об этом епископ Кирилл уведомил жертвователя в августе 1860 г. Тогда Константин Николаевич распорядился перечислить эти деньги в «общую Иерусалимскую кассу». Через год – в августе 1861 г. русский консул в Иерусалиме направил Константину Николаевичу рапорт с ходатайством главы Русской Духовной Миссии о передаче 3 тыс. рублей, выданных великим князем на постройку Фаворской церкви, в распоряжение «греческого» Иерусалимского Патриарха Кирилла II. Иерусалимская Патриархия заявила о намерении взяться за строительство Фаворской церкви. «Желательно бы было однако в этом им помочь. Какой был источник денег, предназначенных сперва на Фавор, и нельзя ли их вернуть?» – гласила резолюция Константина Николаевича²⁶. Иными словами, предполагалось вытребовать назад деньги, которые «общая Иерусалимская касса» могла уже ввести в оборот, а затем – вновь переадресовать эти 3 тыс. рублей на строительство Фаворского храма. Вместе с тем, великому князю не хотелось, чтобы эти средства оказались в полном распоряжении «строптивного» епископа Кирилла. Деньги удалось вернуть в кассу русского консульства в Иерусалиме, и в феврале 1862 г. Б.П. Мансуров предложил Константину Николаевичу удовлетворить ходатайство епископа, но передать деньги не ему, а русскому агенту в Хайфе г-ну Аверино – в виде «кредита». Агента следовало обязать расходовать полученную сумму «постепенно», выдавая необходимые части ее по прямым «требованиям строителя храма на Фаворе». Резолюция Константина была утвердительной: «Исполнить». Таким образом, средства, выделенные на строительство Фаворской церкви, должны были расходоваться исключительно по своему назначению, минуя как русское, так и греческое священноначалие. Последнее обстоятельство, конечно, обидело духовных лиц²⁷. Однако всем стало ясно, что расходование вложенных Палестинским комитетом средств будет находиться под самым тщательным контролем.

После своего назначения наместником в Царстве Польском Константин Николаевич возложил председательство в Комитете по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников на своего близкого друга и соратника – министра народного просвещения А.В. Головнина, который в 1859 г. вместе с ним поклонился Св. Гробу Господню. Данное решение состоялось 22 мая 1862 г., оно было утверждено государем.

Находясь в мятежной Варшаве в 1862–1863 гг., Константин не переставал уделять внимание палестинским делам. Летом 1863 г. он вместе с супругой и детьми пожертвовал 6 тыс. рублей серебром на сооружение царских врат и иконостаса русской соборной церкви Святой Живоначальной Троицы в Иерусалиме²⁸.

Благодаря кружечным сборам, которые осуществлялись при личном содействии митрополита Московского Филарета (Дроздова), к весне 1864 г. были собраны необходимые средства на сооружение Троицкой церкви, а также здания Русской Духовной Миссии с домовою

²⁵ Там же. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 7–8об.

²⁸ Там же. Л. 100.

церковью во имя св. мученицы царицы Александры и обширных приютов для 350 паломников и 550 паломниц и госпиталя на 60 коек. К тому времени для русских богомольцев были открыты приюты временные в Яффе, Рамалле, Хайфе и Назарете. Таким образом, для проживания русских паломников в Святой Земле были созданы все необходимые условия. В апреле 1864 г. Константин Николаевич обратился к митрополиту Филарету с просьбой о продолжении «кружечных сборов», средства от которых должны были пойти на украшение и внутреннюю отделку русского Троицкого собора в Иерусалиме²⁹.

В последующие годы великий князь Константин Николаевич, несмотря на колоссальную занятость на посту председателя Государственного совета, не утратил интерес к палестинским делам. Представители Иерусалимского Патриарха иногда напрямую обращались к нему. В марте 1879 г. архимандрит Никодим, настоятель Иерусалимского подворья в Москве, именем Патриарха Иерофея просил великого князя Константина Николаевича и, через его посредство – русского императора, оказать содействие угнетаемой турками Иерусалимской Церкви: «...возлагаю надежду на милостивое и справедливое заступничество Вашего Императорского Высочества и надеюсь, что Его Императорское Величество, сожалея о страдании Матери Церквей, возвысит опять свою благодетельную руку и отдаст ей право, чтобы она этим, ставши на подобающее ей место, могла опять воздвигнуть все падшее и разрушенное, и отвратить все угрожающие Восточному Православию несчастья»³⁰. В связи с этой просьбой, 10 апреля 1879 г. Константин Николаевич имел совещание по «иерусалимским делам» с А.В. Головинным и Б.П. Мансуровым³¹. Через четыре года, в 1883 г., Никодим – «старый приятель» великого князя – был единогласно избран Иерусалимским Патриархом.

²⁹ Вел. кн. Константин Николаевич – митр. Филарету (Дроздову). 22 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 832 (митр. Филарета). Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20об.

³⁰ Архимандрит Никодим – вел. кн. Константину Николаевичу. 8 марта 1879 г. // ОР РНБ. Ф. 208. Д. 319. Л. 1-9об.

³¹ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1162. Л. 34об.

К.А. Вах

«Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки

В Государственном архиве Российской Федерации хранится личный фонд Бориса Павловича Мансурова (1826–1910). До настоящего времени не востребовавшимся источником изучения деятельности России на Православном Востоке после Крымской войны остается личная переписка Бориса Павловича со своим отцом Павлом Борисовичем Мансуровым и его письма к жене Марии Николаевне урожденной княжне Долгоруковой. Ранее эти материалы никогда не вводились в научный оборот³².

Б.П. Мансуров был автором новой для российской внешней политики *гуманитарной и экономической* концепции влияния в Палестине³³, которая реализовалась при поддержке и личном участии великого князя Константина Николаевича в 1856–1864 гг. С его именем связано устройство российской инфраструктуры в Святой Земле, открытие консульства, строительство первых русских храмов и паломнических приютов в Иерусалиме.

Письма Мансурова помогают определить хронологию и цели, для которых он посещает Иерусалим. В его переписке находится многочисленный «строительный» материал, который должен быть задействован при воссоздании полной истории русского присутствия в Святой Земле после Крымской войны.

Всего в период реализации «Иерусалимского проекта» в 1856–1864 гг. Мансуров побывал в Палестине шесть раз.

1. 1857 г. (январь – март) – первое посещение Святого Града по заданию великого князя Константина Николаевича с целью написания путеводителя для русских паломников ко святым местам. В процессе знакомства с палестинскими реалиями Мансуров вместо путеводителя пишет фундаментальный отчет о состоянии дел в Палестине и формулирует концепцию новой русской деятельности на Востоке.

2. 1858 г. (17 сентября – 3 ноября) – поездка в Иерусалим, совместно с архитектором М.И. Эппингером, для изучения условий строительства русских богоугодных заведений в Святом Граде и выбора земельных участков под будущие постройки. Тогда же принимается решение о целесообразности устройства русского подворья вне стен Старого города и создается временная паломническая инфраструктура в Святой Земле. Поездка совершалась из Парижа через Афины и Константинополь в Одессу и оттуда в Константинополь и Иерусалим на фоне возобновления деятельности РДМ во главе с епископом Кириллом (прибыли в Иерусалим 1 февраля 1858 г.). Из Одессы Мансуров едет совместно с назначенным первым русским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным. После отъезда Мансурова из Иерусалима через несколько дней, 9 ноября, отбыл в поездку по Сирии (в Бейрут) и епископ Кирилл (Наумов).

3. 1859 г. (май) – сопровождение великого князя Константина Николаевича во время его паломничества в Иерусалим.

4. 1860 г. (январь – первая половина февраля) – свадебное путешествие Б.П. и М.Н. Мансуровых через Палестину в Париж. В Иерусалиме и Константинополе завершается оформление в собственность земель, приобретенных на имя российского правительства для построек

³² Почти все письма написаны по-французски. Автор выражает искреннюю признательность И. Мироненко-Маренковой, просмотревшей всю переписку и составившей краткую выборку сведений, имеющих отношения к «Иерусалимскому проекту».

³³ Свои предложения на эту тему Б.П. Мансуров сформулировал в книге, опубликованной им по указанию великого князя Константина Николаевича в типографии Морского министерства без указания автора и названия в конце ноября 1857 г. См.: Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. 209 с.

русских богоугодных заведений. В Иерусалиме 1 января 1860 г. состоялось освящение места будущих построек. На русском участке начинаются подготовительные работы по исправлению старых и устройству новых цистерн, заготовке камня, возведению оградной стены.

5. 1860 г. (октябрь) – поездка для инспекции строительных работ в Иерусалиме и одновременно паломничество, которое Б.П. Мансуров совершает совместно с женой и отцом из Франции.

6. 1864 г. (январь-февраль) – прихождение заказанных Палестинским комитетом грузов для обустройства домового церкви Русской Духовной Миссии, подворий и госпиталя, ревизия отчетов главного строителя, подготовка финансового отчета Палестинского комитета.

10 апреля 1864 г. Палестинский комитет был упразднен, а его дела перешли в ведение вновь созданной при Азиатском департаменте МИДа Палестинской комиссии. С этого времени вплоть до 1889 г., когда Палестинская комиссия в свою очередь слилась с ИППО, Б.П. Мансурову лишь раз пришлось побывать в Иерусалиме (в 1885 г.), т. е. 20 лет спустя. Таков был общий стиль управления палестинскими делами, принятый в российском МИДе того времени.

Собственно для истории строительства Русских подворий в Иерусалиме точкой отсчета можно считать вторую поездку Б.П. Мансурова на Восток осенью 1858 г. Она состоялась при участии архитектора и представителей заказчика, которым тогда номинально выступало Русское Общество Пароходство и Торговли. Все участники этой экспедиции имели самое непосредственное отношение к Морскому министерству. Единственным человеком, привлеченным великим князем в качестве эксперта со стороны должен был стать начальник первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский). Но в связи с переносом согласованного ранее времени отъезда, Порфирий, с ведома Б.П. Мансурова, уехал из Одессы один прямо на Афон³⁴.

Следующим шагом, предварявшим начало строительства первых русских храмов и странноприимных заведений в Иерусалиме стало августейшее паломничество ко Гробу Господню великого князя Константина Николаевича в мае 1859 г. Участие в подготовке этой поездки со стороны Б.П. Мансурова было очень существенным, поскольку именно его аргументация и убедительность позволили получить согласие императора на путешествие великого князя и доставили проекту личное покровительство Александра II³⁵. 15 марта 1859 г. Мансуров следующим образом описал отцу все произошедшее тогда в столице:

«На путешествие великого князя в Иерусалим получено позволение, сам император сообщил ему об этом по телеграфу (это между нами, потому что все это хранится пока в тайне), я вижу императора каждый день. <...> Но самое приятное это то, что вчера утром я сделал императору доклад в час с четвертью, по окончании которого он одобрил и утвердил все, даже 500 000 руб., которые я просил, и заявил, что отныне берет мое дело под свое личное особое покровительство. Другим должностным лицам Его Величество сказал, что хочет, чтобы теперь меня рассматривали не как лицо, отстаивающее собственные проекты, а как исполнителя прямой, личной и сердечной воли Его Величества. Господь дал мне мужество не смутиться и не дрожать перед Его Величеством, я говорил прямо и открыто и получил одобрение, так что в конце доклада Император сам пригласил меня поужинать с ним в тот же день вместе с князем Горчаковым и Оболенским, и объявил князю, чтобы на первый доклад он взял меня с собой, чтобы дать ему окончательные распоряжения.

³⁴ О задачах и деятельности Порфирия на Афоне в связи с «Иерусалимским проектом» см: Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич и Афон // Гора Афон/ Образы Святой Земли. М., 2011. С. 62–69.

³⁵ Подробнее об интриге, вокруг паломничества Константина Николаевича в Иерусалим и роли Б.П. Мансурова см: Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич и Православный Восток. К 150-летию паломничества в Святую Землю // Россия-Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сб. научных статей: в 2 ч. Ч. I. СПб., 2009. С. 46–59.

Мое дело получило полный успех, и Император соизволил поблагодарить меня весьма любезно за все хорошее, что я сделал. Его Величество повторил несколько раз: не теряйте мужества и всегда рассчитывайте на меня, теперь вам покровительствую я. Я знаю, что повсюду вы встречаете мало сочувствия, я сумею вас поддержать, потому что сам теперь хочу, чтобы вы преуспели. То, о чем вы просите, справедливо, я считаю, что это можно исполнить и это будет исполнено»³⁶.

Период с середины 1859 по середину 1861 г. был наиболее значимым для истории «Иерусалимского проекта». После возвращения (14 июня 1859 г.) великого князя Константина Николаевича из его длительного заграничного путешествия, в Петербурге сразу же началась работа высочайше утвержденного Палестинского комитета. До этого момента собрания, которые проводились под председательством великого князя с участием представителей всех заинтересованных сторон (МИДа, РОПиТ, Синода и Министерства финансов), имели статус внутриведомственного комитета в структуре Морского министерства. Движущей силой проекта по-прежнему оставался великий князь Константин Николаевич. В письме к невесте Марии Николаевне Долгоруковой от 16-го июня 1859 г. Мансуров между прочим сообщает:

«Иерусалим более чем когда-либо стоит на повестке дня. <...> Великий князь после поездки в Иерусалим кажется очень дорожит этим делом, он сам хлопочет. <...> Я приехал сюда очень к стати и вовремя. Нас совершенно нелепо бранят»³⁷.

Из письма к отцу 19 июня 1859 г. мы узнаем дальнейшие подробности.

Император благосклонно принял и выслушал Мансурова. Уже после этого доклада был составлен окончательный план действий для нового Палестинского комитета, главой которого должен был стать великий князь. В связи с этим Мансурову было поручено составить новую записку, которую он должен был представить до своего отъезда в свадебное путешествие. При этом возникала необходимость нового посещения Иерусалима. Между прочим, в письме Мансуров сообщал отцу, что его будущая супруга после свадьбы желает сопровождать его в Палестину. Сам Борис Павлович также не хотел бы отказываться от этой новой поездки на Восток под предлогом семейных обстоятельств, так как, писал он, «затеянное дело дорого моему сердцу»³⁸.

1 июля 1859 г. состоялась бракосочетание Мансурова. Отец невесты князь Николай Васильевич Долгоруков счел необходимым испросить августейшее разрешение на эту свадьбу, которое было дано императором при том условии, что Мансуров не оставит иерусалимского дела³⁹. Через полгода после свадьбы в декабре 1859 г. новобрачные достигли Святого Града. 7 января 1860 г. Мансуров в Иерусалиме получает дружеское послание от А.В. Головнина.

«Почтеннейший Борис Павлович.

Решительно Государь лучше всех нас здесь понимает Иерусалимское дело и лучше всех расположен к нему. Сегодня Его Величество утвердил журнальное постановление комитета о дозволении купить кушелевскую землю и приказал обсудить в Комитете и представить ему вопрос о том, в чьем владении быть госпиталю, и рассмотреть инструкцию консулу и при том выразил великому князю свое убеждение, что все заведения в Иерусалиме должны быть в заведывании консула, а не епископа, что занятия консула и епископа должны быть весьма ясно разграничены, и что великий князь напрасно приказал передать госпиталь епископу в отмену собственного правильного распоряжения, сделанного в Иерусалиме. Великий князь сознался, что был неправ приказывая передать госпиталь опять Кириллу. Рассказывая мне это, великий князь выразил, что он обвиняет себя в том, что послушался меня и Оболенского. Государь

³⁶ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 35. Л. 30-30об.

³⁷ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 37. Л. 7-70об.

³⁸ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 35. Л. 4-5об.

³⁹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 739

выразил так же, что письмо Ваше к Тютчевой странно тем, что Вы будто в чем-то оправдываетесь. Великий князь сказал про это, что Вы полагали будто Императрица Вами недовольна. На это Ее Величество бывшая при всем разговоре сказала: *quelle idée!* Вы видите, что мы должны быть благодарны опять Государю и одному Государю за правильное направление всего дела. Вы получите официальное уведомление от Оболенского, а я спешил несколькими строками порадовать Вас»⁴⁰.

Этот документ дает возможность поставить вопрос о степени личного участия в проекте Александра II, в том числе и в деле о разграничении прав и функциональных задач между начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и российским иерусалимским консулом. До настоящего времени в немногочисленной научной литературе, затрагивающей проблематику взаимоотношений различных российских учреждений в Святой Земле, подобный вопрос не ставился.

Как раз когда молодая чета находилась в Святом Граде, император согласился с предложением великого князя Константина Николаевича и 11 января 1860 г. назначил Мансурова членом-управляющим делами Палестинского комитета с оставлением в звании статс-секретаря и по Морскому министерству⁴¹.

18 февраля 1860 г. молодожены уже осматривали памятники Александрии, впереди у них был Париж и встреча с Павлом Борисовичем Мансуровым отцом мужа Марии Николаевны. Маня, как именовали ее все знакомые и друзья, была беременна первенцем, рождения которого супруги ожидали в начале июня. Из Парижа Б.П. Мансуров, оставив супругу с отцом, один должен был вернуться в Россию для участия в подготовке технической документации и составления смет строительства первых русских богоугодных заведений в Иерусалиме. В Петербург он прибыл в конце марта 1860 г. и в конце апреля рассчитывал уехать назад, чтобы остальное время провести рядом с супругой.

На подготовку и утверждение проекта Русских построек в Иерусалиме оставалось не более одного месяца еще и потому, что и великий князь, и императорская семья, и двор, и князь А.М. Горчаков в мае обычно уезжали за границу. Поэтому решения по проекту принимались лишь в общих чертах, а их дальнейшая и окончательная проработка ложились на плечи архитектора М.И. Эппингера. Именно этот факт стал причиной, по которой Строительный технический комитет Морского министерства счел необходимым официально ограничить главного строителя «только утвержденными в главных чертах проектами и исчисленную сумму»⁴² и разрешил ему на месте вносить в проект построек любые изменения, которые он считает нужными сделать. Возможно в этот последний момент, вероятно с подачи А.М. Горчакова, согласовавшего свои действия с Синодом и получившего одобрение у императора, было принято решение разместить Русскую Духовную Миссию на предполагавшихся постройках. Это наспех проведенное решение повлекло за собой полное изменение внутреннего расклада всех сумм сметы и вызвало диссонанс в архитектурном плане и логике проекта. В итоге перефилирование под формат Русской Духовной Миссии здания мужского корпуса и устройство в нем особой домово́й церкви привело к уменьшению этажности другого симметричного здания в котором должны были размещаться паломницы-женщины. Вопрос о появлении на территории Русских построек здания Русской Духовной Миссии также ставится нами впервые⁴³.

Три недели, проведенные Мансуровым в Петербурге во время подготовки проекта построек к высочайшему утверждению, подробно описаны самим Борисом Павловичем. Сразу после своего прибытия в столицу (в начале Страстной недели 28 или 29 марта 1860 г.) Манс-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 228. Л. 17-17об. Письмо датировано 7 декабря 1859 г.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² РГА ВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 6586. Л. 7.

⁴³ Подробнее см. Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. М., 2011. С. 46–58

уров был принят царем. Александр II, сообщил Мансуров отцу, «проводил меня в свой кабинет и усадил для беседы, он поблагодарил меня дважды. Великий князь был очарователен, великая княгиня Александра Иосифовна тоже. Все много говорили о тебе. Я еще не видел Императрицу, но не сомневаюсь, что буду очень хорошо принят. Все хорошо, очень хорошо»⁴⁴

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 990. Он. 1. Д. 38. Л. 121.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.